

Эдвард ЛЬЮС

БЕЗ ОГЛЯДКИ
НА БОГОВ

Взлет современной
Индии

Эдвард Льюс
Без оглядки на богов.
Взлет современной Индии
Серия «Международные
отношения (Социум)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49646890

Без оглядки на богов. Взлет современной Индии / Э. Льюс : Социум;

2020

ISBN 978-5-91603-576-6

Аннотация

В настоящее время наблюдается быстрый рост веса и влияния Индии в мировой экономической, финансовой и политической системе. Этот процесс сопровождается ростом военной мощи и культурного влияния страны. В книге британского журналиста Эдварда Льюса анализируются причины экономического и политического подъема Индии, продолжающегося по крайней мере с начала 90-х годов прошлого века. Автор показывает, что решающим толчком стал отказ от протекционистской политики и доктрины «опоры на собственные силы», провозглашенных еще Дж. Неру. Рассматриваются такие вопросы, как эволюция индийской системы государственного управления,

экономическая политика, судьба кастовой социальной системы, внешнеэкономическая политика и т. д. Большое место уделено анализу равновесия сил в «треугольнике» Индия – Пакистан – Китай, роли политики США в этом регионе, а также отношениям Индии с мусульманским миром.

Содержание

От издателя	6
Предисловие	9
Введение	14
1. Глобальная и средневековая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Эдвард Льюс

Без оглядки на богов.

Взлет современной Индии

От издателя

Издательство «Мысль» выпускает в серии «Международные отношения» проекта ИРИСЭН книгу британского журналиста Эдварда Льюса «Без оглядки на богов: взлет современной Индии», ставшую одной из самых известных работ западного автора, посвященных этой уникальной стране.

Поразительный экономический подъем Индии, произошедший за последнее десятилетие и сопровождавшийся укреплением ее позиций на международной арене, вызывает большой интерес в России и других странах бывшего СССР. Каким образом бедная страна, которую еще лет двадцать назад никто не принимал всерьез в качестве экономического игрока, смогла в короткое время приобрести заметное влияние на процессы, происходящие в мировой экономике? Каким образом удастся сохранять государственное единство нации со столь пестрым этническим, религиозным и кастовым составом населения? Как в этих условиях получается сохранять подлинную, а не декоративную демократию? Каким образом на протяжении нескольких десятилетий Индии удастся избегать большой войны со своими беспокойными и не слишком дружелюбными соседями? Каковы перспективы отношений этой страны с пока доминирующей сверхдержавой – США, и почему американский истеблишмент, столь ревностно отстаивающий принцип нераспространения ядер-

ного оружия, весьма снисходительно относится к индийским разработкам в этой сфере? Каковы сравнительные преимущества и слабые стороны Индии и Китая в экономическом соревновании друг с другом? Какова индийская философия внешней политики и как она меняется в современных условиях? На эти и на многие другие вопросы читатель найдет ответы в этой книге, и даже если эти ответы не покажутся вполне удовлетворительными, книга по меньшей мере даст серьезную пищу для размышления.

Некоторые аспекты индийского опыта модернизации, несомненно, представляют особый интерес для других стран, проходящих аналогичный путь, пусть и с других стартовых точек. Такие темы, как протекционизм и односторонняя либерализация внешней торговли, избыток государственного регулирования бизнеса, эффективность административного управления и государственного аппарата, коррупция и клиентелизм, принципы управления и подбора сотрудников в новых предприятиях, работающих на глобальных рынках и многие другие не оставят равнодушными российских читателей.

Долгое время Индия была важнейшим партнером СССР, а затем и России на международной арене. Скорее всего так будет и впредь. И как бы ни сложилась дальнейшая судьба мирового сообщества, можно с высокой долей уверенности предположить, что Индия будет играть в нем ключевую роль. Поэтому знание и понимание этой страны совершенно необ-

ходимо всем образованным людям в России и в особенности тем, кто будет принимать участие в выработке политических решений в будущем. Поэтому Редакционный совет ИРИСЭН был единодушен в выборе книги Эдварда Льюса для издания в рамках своего издательского проекта.

Валентин ЗАВАДНИКОВ

Председатель Редакционного совета

Декабрь 2009 г.

Предисловие

Эта книга не о любви к культуре и древностям Индии. Я прочел слишком много славословий Индии, написанных иностранными авторами, чтобы пытаться встать в этот и без того длинный ряд. Моя книга об изменениях в политико-экономическом и социальном устройстве страны, будущая жизнь которой будет оказывать все большее влияние на весь остальной мир. В своих статьях об Индии в *Financial Times* я обычно придерживался отстраненного и обезличенного журналистского стиля. Эта книга написана иначе – по большей части от первого лица. Некоторые ее страницы носят критический характер, причем порой резко критический. Трудно наблюдать и описывать функционирование политической, экономической и правовой подсистем Индии, не впадая порой в гнев при виде бездумной растраты жизненных возможностей сотен миллионов индийцев, до сих пор живущих в условиях отчаянной бедности. Уровень их жизни растет – пусть и недостаточно быстро, но растет. Замечу, что трудно не впасть в отчаяние еще и оттого, что множество иностранцев и индийцев все еще предпочитают воспринимать Индию исключительно через призму духовности. Очень много написано о страсти американцев и французов воспринимать себя как нечто уникальное и исключительное (при том что ни те, ни другие не одобряют нищету). Об ана-

логичной страсти жителей Индии можно написать куда больше.

Но эта книга никогда бы не появилась на свет, если бы я не испытывал чувства восхищения и глубокой привязанности к Индии. За время, что я прожил здесь, Индия дала мне неожиданно много знаний о человечестве и о самой себе. Для меня и для других любознательных иностранцев Индия всегда держала двери открытыми, пусть и вводя порой в заблуждение. За исключением удивительно редких случаев, индийцы были неизменно безгранично добры, открыты, гостеприимны и терпимы к расспросам навязчивого иностранца. Сама того не желая, Индия открыла для меня и то, сколь негостеприимны бываем мы у себя на Западе – и особенно в Британии. Надеюсь, читатель поймет, что критика и привязанность не исключают друг друга. Это поможет читателю прочувствовать развиваемую мною в книге мысль об усилении глобальной роли Индии в первые десятилетия XXI в.

Пять лет я путешествовал по Индии, наблюдал за событиями и расспрашивал людей – первые четыре года в качестве руководителя представительства *Financial Times*, а потом еще год, работая над книгой, – и крайне редко встречал отказ отвечать на вопросы или предоставить нужную мне информацию. Я взял интервью у сотен индийцев, у некоторых из них по многу раз, так что потребовалась бы особая глава только для того, чтобы привести все их имена. Поэтому в книге я упоминаю лишь тех, кто оказывал мне посто-

янную помощь, многие из которых стали моими друзьями. За несколькими исключениями, я опускаю имена политиков и бизнесменов, потому что открытость журналистам естественна для их профессиональных занятий. Но я хотел бы выразить свою глубокую признательность Шанкару Ачарье, Свами Агнивешу, Монтеку и Ишер Ахлувалье, Мани Шанкар Айару, Сохайлу Акбару (и его чудесным родителям в Аллахабаде), Анилу Амбани, Канти Байпаю, Санье Бару, Рахулу Беди, Ягдишу Бхагвати, Суржит Бхалле, Удаю Бхаскару, Кирану Бхатти и Аслам Хану («Карену и Исламу»), Фархану Бохари, Майклу и Дженни Картер, Раму Чандре («Голу»), Викраму Чандре, Виджаю Чаутивале, Ашоку Чоугулу, Стиву П. Коэну, Таруну Дасу, Никхил Дею, Джейн Дрезе, Гордону Дагвиду, Вергезе Джорджу, Сагарика Гхошу, Омкару Госвами, Дипанкару и Мале Гупта, Шекхару Гупта, Свапану Дас Гупта, Хусейну Хаккани, Давиду Хаусго, Тони Джесудасану, Прем Шанкару Иха, Виджаю Келкару, Санилу Кхилнани, Садхиндре Кулкарни, Ханифу Лакдавалу, Камалю М., Раму Мадхаву, Мони Малхутра, Харшу Мандеру, Ашоку Мехта, Пратапу Бхану Мехта, Виноду Мехта, Марли Менон, Хозему Мерчанту и Малавике Сангхви, Анджали Модии, Джайпракаш Нарайну, Сунните Нарайну, Кишану Неги, Нандану Нилеками, Т. Н. Нинану, Удиту Раджу, Н. и Мариам Раму, Махешу Рангараджану, Аруне Рой, Раману Рою, Радждипу Сардесаю, Навреджу Сарна, Реси Шаферу, Сахелю Сету, Джотирмайя Шарму, Аджа и Соню Шукла, Аруне Сингха, Ма-

лу и Теджбира Сингха, Н. К. Сингха, Эшли Теллиса, Карен Тапар, Ашурот Варшни и Джорджа Вергезе.

Я хотел бы подчеркнуть мою признательность следующим лицам, которые любезно выделили время на прочтение рукописи от начала и до конца и исправление фактических и грамматических ошибок: Майклу Артуру, Суману Бери, Рамачандру Гуха, Эндрю Дэвису Шори, Джеки Шори и Кришне Гуха. Мой агент в издательстве «А. П. Уотт» Наташа Фэервезер оказала незаменимую помощь, давала советы и подбадривала меня в ходе сбора материалов и написания этой книги. Чрезвычайно приятной и полезной оказалась работа с редактором издательства *Doubleday* в Нью-Йорке Крис Пуополо и редактором издательства *Little, Brown* в Лондоне Тимом Уиттингом. Кроме того, я хотел бы выразить признательность газете *Financial Times*, которая не только предоставила мне годичный отпуск для сбора материалов и написания этой книги, но и оказалась идеальным работодателем для корреспондента, работающего в чужой стране. Ни одна газета не предоставляет своим журналистам столько свободы и самостоятельности в следовании своим интересам. И она по-прежнему отличается от других изданий тем, что выделяет достаточно места для серьезных статей об Индии. Редакция *FT* ни разу не попыталась навязать мне свое понимание происходящего. Очень мало изданий, о которых можно сказать то же самое.

Наконец, я признателен родителям моей жены Апарне и Прахладу Бас за то, что они поощряли мой интерес к Индии и щедро делились своими идеями и опытом. Апарна историк и много лет проработала профессором Делийского университета. Прахлад был и остается высокопоставленным чиновником в Нью-Дели. Мало кому из иностранных корреспондентов (или зятьев) удавалось получить подобного рода помощь. Еще я хочу поблагодарить своих родителей, Роуз и Ричарда, которые проявили подлинный героизм, читая все, что выходило из-под моего пера, включая – как выяснилось со временем – мои дневники подросткового возраста, на которых я ясно написал: «НЕ ЧИТАТЬ». Их безоговорочная поддержка – одна из причин того, что я занимаюсь тем, чем хочу. Отчасти эта книга посвящена им. А отчасти она посвящена моей жене Прийе, чья любовь ко мне за время моей работы над этой книгой ни разу не поколебалась и чье терпение лопнуло всего пару раз, когда я повел себя чересчур эксцентрично. Она не во всем согласна со мной, зато споры с ней помогли прояснить и обогатить мои идеи. Она моя жертва и мой сообщник. К тому же Прийя и сама была одной из причин, побудивших меня написать эту книгу.

Введение

Западный наблюдатель воспринимает нашу цивилизацию как сплошную метафизику, подобно тому как глухой видит только движение пальцев пианиста, но не слышит музыки.

Рабиндранат Тагор, лауреат Нобелевской премии по литературе и, наверно, величайший поэт Индии. 1913 г.

Я жил в Индии уже более четырех лет, когда встретил Андре, шестидесятитрехлетнего француза с седеющей гривой волос и страстью к ведической философии.

Было чувство, будто мы встречались до этого много раз. Я ненадолго приехал в Ауровиль, город на юге Индии, основанный в 1968 г. девятидесятилетней француженкой Мирой Альфасса, которую все называли Матерью. Она назвала город в честь Шри Ауробиндо, одного из самых знаменитых духовных вождей Индии, чья жизнь – от студенческих лет в Кембридже до периода подпольной борьбы с британским колониальным владычеством и, наконец, превращения в мудреца-учителя в чарующем уголке полуострова Индостан – сама по себе заслуживает отдельной книги, а то и двух. Мать, рассказал мне Андре, «покинула свое тело» в 1973 г., через 23 года после ухода Шри Ауробиндо, но, к счастью для пытливого француза, это произошло через несколько месяцев

после того, как он добрался до Ауровиля.

С тех пор как Андре перебрался в Ауровиль, город – на самом деле всего лишь большой ашрам – разросся и стал прибежищем для нескольких тысяч людей западного происхождения, вроде моего француза, поглощенных поиском эликсира индийской философии. Большинство их верит, как и Андре, что Индия – страна особая. Она обладает уникальной моральной и духовной силой. Индия, говорил Андре, ключ к выживанию человечества.

Я приехал в Ауровиль, чтобы выяснить, что питает подобную веру в Индию. «Когда живешь на Западе, в Европе, чувствуешь себя полностью потерянным, – говорил Андре, любезно пригласивший меня в свой просторный, чисто побеленный дом. Мы прихлебывали сок гибискуса. – На Западе нужно *принадлежать* к обществу и следовать определенным правилам. Предполагается, что у тебя дом, карьера, и вся жизнь нацелена на деньги. Индия другая. Индия – уникальная страна, – подчеркнул он, и его поддержали все присутствующие. – Без Индии мир обречен прозябать в нищете материализма».

Андре родился в годы Второй мировой войны и вначале жил как все, не считая того, что ему пришлось отслужить по призыву солдатом в Алжире во время массовых выступлений против французского правления. Однажды в Париже он услышал о конференции, посвященной Ауровилю. К тому времени он был знаком с «Бхагавадгитой» – вероятно,

самым популярным индуистским текстом, – и у него имелось кое-какое представление о том, из чего состоит индийская философия. Вскоре после этого он уехал в Индию. До этого момента рассказ Андре был простым и понятным. Но он не объяснил, что именно привлекло его к «Бхагавадгите» и к Индии. «Для меня-то это ясно. Не знаю, что тут непонятного, – возразил Андре без раздражения. – Индия обладает многотысячелетним опытом гармонизации различий и проникновения в единую основу всего сущего. В других странах нет того самого важного, что есть в Индии, и ясно, что за всей пестротой и многообразием жизни стоит духовная реальность, называемая гармонией». У меня, должно быть, был озадаченный вид, потому что Андре счел необходимым подкрепить свою мысль. «Человечество сейчас переживает глобальный кризис, выход из которого может найти только Индия, указав путь к надсознательному существованию (supraconsciousness), объяснив путь перевоплощения и гармонии всего сущего, – пояснил он. – Ни одна страна не приняла бы Ауровиль. Он просто не выжил бы на Западе – там его превратили бы в культ».

Мать хотела, чтобы Ауровиль был чем-то большим, нежели просто культ. Но из всех агиографических описаний ее жизни нельзя понять, какова же она была. О ее жизни рассказывают истории, по невнятице сопоставимые с дельфийскими пророчествами. Родившаяся в Париже в 1878 г. в семье отца-турка и матери-египтянки, Мира Альфаса уже ре-

бенком выказывала склонность к «единству с природой». Не похожая на других детей, она обладала способностью видеть происходящее далеко от нее. Она также могла «разговаривать с духами и существами из потустороннего мира»¹. Смолу Альфаса принялась без устали путешествовать по разным странам с разнообразными культурами в поиске ключа к пониманию сущности человеческого бытия. В 1916 г. она, наконец, добралась до Индии и встретила со Шри Ауробиндо, который и дал ответы на ее вопросы. Вместе они создали новое духовное движение, перед которым ставилась задача донести до людей весть о том, что Индия укажет человечеству путь к более высокому уровню сознания – к «супраментализму», по их выражению. В Индии были и другие аналогичные движения, а также личности, подобные Матери. Но ашрам Ауробиндо пустил более глубокие корни.

До встречи с Андре я посетил Матримандир (Храм Матери) – расположенный на возвышении огромный шар диаметром около пятидесяти метров, покрытый золотистыми дисками, похожими на лепестки цветов. Это было необычное зрелище, наводящее на мысли о космическом корабле, изготовленном в Голливуде и приземлившемся в тропиках. На обширном пространстве вокруг храма вы всегда обнаружите два-три десятка человек, которые, укрывшись в тени гигантского баньяна, занимаются йогой на почтительном удалении друг от друга. Большинство из них белые, там могут быть

¹ <http://www.indiayogi.com/content/indsaints/mother.asp>.

даже один-два человека из Лос-Анджелеса. Две-три тысячи обитателей Ауровиля, съехавшиеся сюда со всего мира, в основном ведут тот же образ жизни, что и Андре. В местном телефонном справочнике множество имен приезжих из России, Южной Кореи, Латинской Америки, Японии и Европы. Мой гид Маноб Тагор, тихий и учтивый бенгалец, исключительно приятный в общении, сообщил, что индийцев здесь куда меньше, чем кажется при перелистывании телефонной книги, потому что многие выходцы с Запада приняли индийские имена. Маноб рассказал, что в детстве его водили посмотреть на Мать. «Она всегда казалась очень спокойной, и мне тоже становилось спокойно, – сказал он. – Это запомнилось больше всего».

Андре спросил, кто я и о чем будут мои вопросы. Я сказал, что я британский журналист, живу в Индии уже несколько лет, а моя жена Прийя родом из Индии. Я хотел понять, почему эта страна столь притягательна для множества иностранцев, чего сам я не чувствую вовсе. Я не сказал ему, что, на мой взгляд, Индия слишком долго изнывает под бременем духовного величия, которое ей столетиями навязывали люди Запада, а индусы, привыкнув к этому, теперь отправляют этот товар назад – с бантиком наверху. Веками, а особенно в период английского колониального правления и после него, многие индийцы привыкли считать, что Индия – единственная метафизическая цивилизация. Для большинства из них такое мнение о самих себе куда предпочтительней того, как

их воспринимали многие колониальные правители, пусть и не все. Лорд Маколей, составивший первый в истории Индии уголовный кодекс, с презрением писал, что вся индийская философия и литература не стоят одной полки западных книг. Уинстон Черчилль (и не он один) выражался еще обиднее: Индия – это «скотская страна со скотской религией», и «называть Индию „страной” все равно, что называть „страной” экватор»².

Напротив, движимый столь же эмоциональной, но куда более укорененной традицией, французский романист Андре Мальро написал: «Труднодоступная для нас своей погруженностью в грезы и время, Индия – часть Древнего Востока нашей души»³. Немецкий философ Артур Шопенгауэр был неоригинален, сказав, что христианский Новый Завет, вероятно, пришел из Индии, потому что это самая благородная из известных человечеству цивилизаций⁴. Если выбирать между Маколеем и Мальро или между Шопенгауэром и Черчиллем, естественно предпочесть Мальро и Шопенгауэра. И хотя за последние 250 лет Запад сформулировал немало сбалансированных и научно обоснованных суждений об Индии, взгляды большинства западных обывателей все так же несут

² Ramachandra Guha, "Churchill's Indiaspeaks", The Hindu's Sunday magazine, June 5, 2005.

³ Andre Malraux (from *Tristes Tropiques*) in Pankaj Mishra, ed., *India in Mind* (New York: Vintage Books, 2005), p. 172.

⁴ Amartya Sen, *The Argumentative Indian, Writings on Indian History, Culture and Identity* (New Delhi: Allen Lane, 2005), p. 152.

следы пренебрежения или романтизма. В значительной мере Индия досталась романтикам. Индийский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике Амартия Сен пишет: «Европейские любители экзотики нашли в Индии армию благодарных слушателей, которые алчут восхвалений в свой адрес, потому что колониальное господство причинило серьезный ущерб их самооценке». Но это относится не только к европейцам или к отдаленному прошлому. В конце 1980-х годов Сен, прибыв в Гарвардский университет, обнаружил, что в знаменитом гарвардском книжном магазине все книги об Индии стояли в отделе «Религия»⁵.

Андре это понравилось бы. Но куда больше меня интересовало, не обусловлена ли для него духовная притягательность Индии ее чрезвычайной бедностью. Любой приезжий замечает, что в Индии глубокая религиозная культура бок о бок соседствует с человеческими лишениями. В Индии священное и мирское всегда неразрывно связаны. Некоторые индийские философы видели в бедности последствия деяний, совершенных бедняками в их прошлых жизнях. Похоже, что учение о реинкарнации помогает не замечать убожества здесь и сейчас. Для некоторых оно даже образует моральное обоснование нищеты. Неужели Андре не задевает зрелище окружающей его бедности? Он взглянул на меня слегка недовольно.

– Индия невероятно богата, потому что только в Индии

⁵ См.: Amartya Sen, Introduction to the *The Argumentative Indian*, p. xiv.

понимают тщету материализма, – заявил он, и повторял это не раз. Он, должно быть, пытался разгадать, что у меня на уме. В наши дни в Индии явно укрепляется культ богатства. Кажется, за ним теперь гоняется полстраны. Пусть в Индии сегодня появились все эти телевизионные каналы, мобильные телефоны и все привлекательные ловушки современной жизни, но она не погрязнет во всем этом, – настаивал он. – Этого я не опасаюсь. Ведь это Индия.

Сказанное Андре нельзя отвергнуть как эксцентрические грезы хиппи или бессвязные речи адепта секты. Этот француз, глубоко погружившийся в тонкости «Ригведы», «Упанишад» и множества других индуистских источников, не был хиппи или последователем «культа» или «секты» в обычном для Запада понимании слова – с их фанатизмом, разговорами о Судном дне и оргиастическими измененными состояниями сознания. Большинство ауровильцев, как они себя называют, не пьют алкогольных напитков и не курят марихуану. К тому же от них не требуют присяги на верность какому-либо верованиям или догматам. Но все они, как и множество образованных и необразованных индийцев, верят в то, что в философском и моральном плане Индии суждено сыграть ключевую роль в будущем нашего мира.

Хотя Ауровиль населен преимущественно иностранцами, они разделяют мнения и настроения, распространенные в современной Индии. К тому же значительная часть высказываний Андре, особенно об неотмирности Индии, не вызыва-

ла бы возражений на многих вечеринках в Ноттинг-Хилле, на Монпарнасе или в Беверли-Хиллз. Иными словами, романтическое умонастроение все так же царит в головах иностранцев и самих индийцев. Более того, связанные с Индией символы, образы и речевые штампы настолько пронизаны идеей ее принадлежности к иному миру, что даже сознательные попытки отвергнуть их дают порой обратные результаты.

Когда мы расставались, Андре обнял меня и сказал, что любит меня, несмотря на мою национальность. Он примирительно добавил, что вообще-то очень не любит британцев из-за того, что они творили в Индии, и из-за их страсти все делать по своему, вроде левостороннего движения и нежелания присоединиться к европейскому Экономическому и валютному союзу – и к тому же они так высокомерны.

– Индия поможет миру перейти на высшую ступень, – сообщил он. – Каждый должен признать это, даже британец.

Он не мог не вызвать у меня симпатии.

* * *

Лет десять тому назад возник радикально иной образ Индии, во многом подпитываемый ее успехами в информационных технологиях и оффшорных службах обработки телефонных звонков (колл-центрах), а также ростом мировой популярности Болливуда – чему отчасти способствует рас-

тущее богатство и влияние индийских общин в США, Великобритании и других странах, а также успехом программы создания ядерного оружия, о котором мир узнал в 1998 г. и которому посвящено огромное количество аналитических материалов. Но этот новый образ может ввести в заблуждение точно также, как восприятие Индии исключительно сквозь призму религии. Экономика Индии меняется очень быстро, но природа и масштаб этих перемен порой преувеличивается. Индийцы и сами забыли поговорку: «Цыплят по осени считают». В последние годы в Индии стало обычным делом говорить о стране так, будто она вот-вот обретет статус сверхдержавы.

На Индию можно взглянуть и в другом ракурсе, более показательном и заведомо более информативном, – через призму глубоко укорененной и динамичной политической культуры. В конце 1990-х годов международный медиамагнат Руперт Мердок посетил Индию, чтобы изучить перспективы создания совместного бизнеса в области спутниковых и кабельных коммуникаций. Пообщавшись с руководителями федеральных министерств в столице Индии Дели, он полетел в коммерческую столицу страны Мумбаи, чтобы встретиться с Дхирубхаи Амбани (ныне покойным), владельцем крупнейшей частной компании страны *Reliance Industries*. Амбани, имевший репутацию самого прожженного и хитрого индийского дельца своего поколения, спросил у Мердока, с кем тот встречался в Дели. Мердок перечислил – премьер-ми-

нистр, министр финансов и т. п. «М-да, это все правильные люди, – сказал Амбани. – Но в Индии, чтобы чего-нибудь добиться, нужно иметь дело с неправильными людьми»⁶. Он имел в виду коррумпированных политиков (и, возможно, точно таких же чиновников). У неправильных людей в Индии есть хороший шанс оказаться в числе политиков. Но порой в эту сферу попадают и правильные люди, хотя, возможно, не так часто. В ходе президентских выборов 1992 г. Билл Клинтон не уставал напоминать себе, что «все дело в экономике, дурачок», а в Индии чаще всего уместно повторять «все дело в политике, дурачок». Без учета всепроникающей политической культуры и роли государства невозможно разобраться в характере экономических и религиозных изменений в Индии.

В этой книге я хочу дать беспристрастную оценку современной Индии на фоне распространенных ожиданий того, что в XXI веке она обретет статус великой державы. В первой главе рассматривается бурный, но весьма односторонний рост экономики страны. В последующих главах рассматривается вездесущее индийское государство и дается очерк основных политических движений страны. За оценкой крайне неровных отношений Индии с Пакистаном и собственным мусульманским меньшинством следует оценка трехсторон-

⁶ Впервые об этой истории рассказал Арун Шоурья в ежегодной лекции памяти Амбани в Мумбаи в 2003 г. Подлинность этой истории позднее подтвердил автору младший сын Дхирубхаи Анил Амбани.

них игр Индии с Китаем и США, от которых зависит развитие мира в XXI веке. Наконец, в книге рассматривается опыт модернизации и урбанизации Индии, выявивший гибкость религиозных ценностей страны, сумевшей адаптироваться к требованиям современного мира. В заключение я рассматриваю проблемы, которые придется решить Индии в ходе ожидаемого всеми возвышения страны в ближайшие годы.

Минуло более двух поколений с 15 августа 1947 г., когда Индия «одним рывком» освободилась от британского владычества. Минуло более двух поколений и с 30 января 1948 г., когда духовный и стратегический лидер партии Индийский национальный конгресс Махатма Ганди был убит в Дели по пути на вечернюю молитву членом радикальной индуистской организации Натхурамом Годзе.

Ганди, чей личный магнетизм позволил успешно поддерживать почти полностью ненасильственный характер борьбы против британского владычества, все так же разделяет индийцев и будоражит их воображение. До сих пор не ослабевает интерес к его преобразующему, а в известном смысле и магическому воздействию на простых людей, к его способности вовлечь в борьбу за свободу массы неграмотного населения. Именно способность Ганди говорить с народом языком народа превратила борьбу за свободу, начатую группой юристов, получивших английское образование, ходивших в костюмах-тройках и мечтавших об «английском правлении

без англичан», в массовое движение, охватившее всех индийцев.

Роль Ганди как мастера политической стратегии и тактики хорошо изучена и осмыслена. Куда меньше внимания уделялось влиянию антиматериалистической философии Ганди на развитие Индии после 1947 г. Это влияние во многом сохраняется до сих пор, но вовсе не усилиями тех, кто похож на нашего Андре. Общества чем-то похожи на людей. То, что происходит с ними в период становления, в значительной степени продолжает определять их характер и решения еще долго после того, как те события утрачивают первоначальный смысл. И все же вернись Ганди в сегодняшнюю Индию, многое из увиденного поразило бы его до глубины души.

В начале XXI в. Индия все более превращается в страну уверенную в себе, материалистическую и глобализованную. В 1991 г. Индия резко сменила курс экономической политики, отказавшись от установленной после обретения независимости жесткой системы контроля и разрешений, известной как «License Raj» («владычество лицензий»). Это положило начало экономическому подъему Индии. Страна постепенно захватывает все большую долю рынка программного обеспечения США и Европы и начинает развивать обрабатывающую промышленность, способную конкурировать на мировых рынках. Индия обзавелась и военными атрибутами, приличествующими нации, претендующей на роль

сверхдержавы. В стране ведутся публичные дебаты о том, когда начнется производство собственных межконтинентальных ракет с ядерными боеголовками. Это страна, чьи городские англоговорящие средние классы впитывают потребительскую культуру Запада как новую религию. Если бы Ганди не был кремирован, то он наверняка перевернулся бы в гробу.

В то же время в Индии и в XXI в. проживает, по оценке ООН, более трети хронически недоедающих детей мира, а средняя ожидаемая продолжительность жизни и уровень грамотности здесь значительно ниже, чем во многих развивающихся странах, в том числе и в Китае. Из 1,1 млрд населения Индии примерно 750 млн чел. проживают в деревнях, причем среди этих населенных пунктов почти половина не связана с сетью дорог, имеющих твердое покрытие, и не счесть таких, где жители не имеют доступа к нормально работающим начальным школам и экстренной медицинской помощи (всего в Индии 680 000 деревень). Почти половина индийских женщин не умеют читать и писать, а среди числящихся грамотными многие способны разве что написать собственное имя.

Индия остается страной, в которой значительная часть элиты все еще разделяет тезис Ганди в том, что деревня остается основным элементом индийского общества (выдвинутый в условиях борьбы за свободу, когда необходимо было привлечь массы на свою сторону). Против этой идеи высту-

пали многие, в том числе первый премьер-министр Индии и протеже Ганди Джавахарлал Неру. Спор продолжается по сей день. Индия медленно урбанизируется, и трудно представить силу, которая остановит непрерывный рост городов. Но последователи Ганди убеждены, что деревня должна остаться священным ядром индийской государственности. Их влияние подрывает попытки улучшить планирование развития индийских городов.

В письме Неру Ганди заявлял: «Я убежден, что если Индии, а через нее и всему миру, суждено достичь истинной свободы, то рано или поздно придется признать тот факт, что люди должны жить в деревнях, а не в городах, в хижинах, а не во дворцах. Десятки миллионов людей никогда не смогут жить в мире друг с другом, живя в городах и дворцах. Им не останется ничего, кроме как прибегнуть к лжи и насилию»⁷. В книге «*Самоуправление для Индии*» («Hind Swaraj»), самой значительной и, пожалуй, самой цитируемой из всех его книг, Ганди пишет: «Избавьте его [жителя деревни] от хронической бедности и неграмотности, и вы получите превосходный образец того, каким должен быть культурный, развитый и свободный гражданин... Следовать правилам морали значит добиться власти над своим умом и страстями. Поступая таким образом, мы познаем себя. Если это определение верно, тогда Индии, как показали многие авто-

⁷ M. J. Akbar, *Nehru, the Making of India* (New Delhi: Lotus Collection of Roli Books, 2005), p. 469.

ры, нечему учиться у кого бы то ни было».

Этот элемент гордыни по поводу национальной культуры, который был характерен для Ганди, и его глубокое презрение к модернизму следует рассматривать с учетом исторического контекста, как эффективный тактический выпад в ответ на частые оскорбления колонизаторов в адрес «невежественной Индии», а также как способ повышения самооценки народных масс. Ганди был блестяще подготовлен к этой игре. Родившийся в Гуджарате, штате на западе Индии, в 1890-х годах Ганди получил в Лондоне диплом юриста. Еще до возвращения в Индию в 1913 г. он успел завоевать известность в мире, находясь в Южной Африке, где он выступил против расистского паспортного режима и был заключен в тюрьму. Именно в Южной Африке он разработал стратегию ненасильственного гражданского неповиновения, которую потом с таким блеском использовал в Индии.

Философия Ганди не сводится к тактике мобилизации масс на борьбу за свободу. Это учение о том, как должно быть организовано общество и как должны жить люди. Оно продолжает оказывать влияние на осознанные и неосознанные помыслы значительной части индийской интеллигенции. Можно привести вечный пример: без учета влияния Ганди на экономический менталитет трудно объяснить, почему Индия столь жестко ограничила возможности для роста своей текстильной промышленности и не дала ей достигнуть масштабов, более соответствующих ее потенциалу. Как

известно любому специалисту по истории экономики, текстильное производство сыграло ключевую роль в индустриализации большинства обществ, от Британии в XVIII в. до Китая в XXI в. Наследие Ганди можно видеть и в структуре пошлин, благоприятных для хлопка и невыгодных для синтетических волокон⁸ (хотя экспортный спрос предъявляется в основном на синтетику), и в регулировании, отбивающем у текстильных компаний стимулы для роста сверх уровня кустарной мастерской, т. е. наказывающем за коммерческий успех и поощряющем неудачников.

Некоторые виды регулирования были ослаблены после 1991 г., когда Индия изменила курс экономической политики. И многие из тех, кто сегодня изо всех сил сопротивляется дальнейшему ослаблению регулирования, делают это не из верности идеям Ганди, а как представители финансовых кругов, которым выгодно сложившееся положение. Но конкурентам Индии, и прежде всего Китаю, чей экспорт в 2005 г. вчетверо превысил текстильный экспорт Индии и обеспечил вчетверо больше рабочих мест, не приходится воевать с идейным наследием деятеля, который во многих отношениях является современным святым. Невозможно удержаться от искушения процитировать чрезвычайно

⁸ Ганди использовал ручную прялку для популяризации знания об эксплуататорской природе системы таможенных тарифов Британской империи, и это блестяще сработало в период борьбы за независимость. Но, как отметил Амартия Сен, после завоевания независимости такая экономическая политика стала бессмысленной.

популярное замечание индийского борца за свободу Сароджини Найду, которая однажды сказала о Махатме: «Удержание последователей Ганди в бедности дорого нам обходится». И этот счетчик все еще тикает. При всем при том, как я покажу далее в этой книге, Индии было бы неплохо заново открыть для себя важнейшие идеи Ганди, касающиеся заботы об окружающей среде.

Бхимрао Амбедкар известен за пределами Индии меньше, чем Ганди. Но для миллионов индийцев он значит гораздо больше. Статуи Амбедкара в очках можно встретить в деревнях по всему плотно населенному субконтиненту. В отличие от Ганди, с которым он неоднократно и зачастую с ожесточением спорил, Амбедкар не видел противоречия между использованием современной науки и технологии и противостоянием империалистическому господству. Но в качестве первого признанного лидера касты, прежде известной под именем неприкасаемых, членов которой сегодня именуют «далитами» – что означает «угнетенные» или «переломанные» – Амбедкар дал самым измученным и отверженным жителям страны первую реальную надежду на преодоление наследственной социальной униженности и несправедливости⁹.

Амбедкар считал кастовую систему величайшим социальным злом в Индии, поскольку миллионы людей в силу свое-

⁹ Амбедкар считал, что используемое Ганди обозначение неприкасаемых, Harijan – буквально «дети Бога», не годится, потому что звучит покровительственно.

го происхождения считались недочеловеками. Амбедкар дал далитам надежду, которая пока еще не сбылась полностью или хотя бы по большей части (если перефразировать знаменитое поэтическое обращение Неру по поводу обретения независимости), но многие из примерно 200 млн индийских далитов после 1947 г. уже вкусили плоды свободы и мобильности, и для них немислимо вернуться к приниженности, непротивлению и даже невидимости, требовавшихся от них в прошлом.

Амбедкар, ставший первым в истории Индии неприкасаемым, который получил образование за рубежом, защитил диссертацию в Колумбийском университете в Нью-Йорке и в 1916 г. сдал квалификационные экзамены на адвоката в Лондоне. Он был главным автором Конституции 1950 г., которая закрепила равенство людей перед законом и дала всем взрослым индийцам право голоса вне зависимости от их кастовой или иной идентичности. Этот одетый по-европейски юрист сумел переиграть последователей Ганди в процессе подготовки Конституции: используя свое превосходное знание юриспруденции, он нейтрализовал притязания привилегированных индуистских каст. Амбедкару удалось переместить несколько таких требований, как запрет продажи алкоголя, запрет забивать коров и привилегированное социальное положение деревни, из раздела «Фундаментальные права», подкрепленного санкциями закона, в беззубый раздел «Руководящие принципы», представлявший собой перечень

благих пожеланий.

Отношение Амбедкара к деревне определялось его личным опытом – памятью об унижениях ребенка, которого отказываются обслужить в парикмахерской и не пускают в придорожное кафе, унижениях, которые лишь частично были компенсированы теми возможностями, которые открылись благодаря образованию, полученному в Бомбее. Приношу извинения индийским читателям, многие из которых должны помнить эти слова, но вот что Амбедкар думал об индийской деревне: «Любовь многих образованных индийцев к деревенской общине, разумеется, бесконечна и даже умилительна... Но что есть деревня, кроме того, что это трясына местничества, средоточие невежества, узколюбости и лояльности своей этнической группе?»¹⁰¹¹

Амбедкар, памятник которому даже сегодня – собственно говоря, особенно сегодня – может вызвать ожесточенные столкновения, описал кастовую иерархию как «лестницу, на которой стоящие внизу ненавидят всех, кто выше их, а те презирают всех нижестоящих». Мегасфен, который в 300 г. до н. э. был послом Греции при дворе объединителя Ин-

¹⁰ Общинность или коммунизм [communalism] обозначает в Индии преданность не обществу в целом, а своей этнической группе, обычно определяемой в терминах религии и даже касты. В книге не используется западное понимание термина "communal" (общинный, коммунитарный) обозначающего «связанный с совместным проживанием или совместным использованием чего-либо».

¹¹ Christophe Jaffrelot, Dr. Ambedkar and Untouchability, Analysing and Fighting Caste (New Delhi: Permanent Black, 2005), p. 110.

дии Чандрагупты (чья резиденция находилась в г. Паталипутра), сообщает об индийский кастах следующее: «Никому не позволено брать жену не из своей касты или заниматься каким-либо делом или ремеслом, кроме своего собственно-го»¹². Так оно и было на протяжении последующих двух с лишним тысяч лет. Но сегодня ситуация изменилась.

Судя по написанному Амбедкаром, он надеялся, что демократия поможет разрушить кастовую систему. Этого не случилось – во всяком случае, не так, как он рассчитывал. Ритуальные и экономические корни каст действительно обрублены, но сами касты по-прежнему живы и действуют в качестве основания для политической идентичности. Несомненно, этот юрист из числа неприкасаемых пришел бы в ужас от воровства и едва прикрытой мафиозности власти, к которым, по сути дела, сводится политика низших каст на большей части территории Индии, особенно в густонаселенных и наиболее отсталых штатах Северной Индии. Он был бы разочарован и при виде того, как многие партии низших каст стремятся не к уничтожению кастовой системы, а лишь к улучшению своих позиций относительно других каст, добиваясь увеличения своей квоты на места в системе управления, возведения дополнительных памятников своим лидерам, богам и символам. Многие рассчитывали, что в качестве объекта политической лояльности каста уступит ме-

¹² Richard Lannoy, *The Speaking Tree, A Study of Indian Culture and Society* (New Delhi: Oxford University Press, 1971), p. 138.

сто классу, но этого не произошло. Как гласит популярная в Индии шутка: «In India you do not cast a vote, you vote your caste»¹³.

Тем не менее влияние касты на выбор профессии и деятельности постепенно ослаблялось. Городские и даже сельские индийцы больше не обязаны выполнять наследственные функции, хотя многим приходится идти на это в силу необходимости. Например, выходцев из высшей касты браминов можно найти среди торговцев кожей, хотя прежде это занятие было для них табу, и в то же время есть далиты, готовящие пищу для людей других каст, что недавно было просто невыносимо. Все больше заключается межкастовых браков, хотя они еще крайне редки в деревнях, где до сих пор проживает более двух третей индийцев. Надежды Амбедкара на освобождение Индии от кастовой системы не сбылись. Но хочется верить, что история на его стороне.

Пожалуй, самую густую тень отбрасывает на современную Индию фигура Джавахарлала Неру, наследие которого разделяет людей в не меньшей степени, чем наследие Ганди или Амбедкара, но который сыграл куда более значительную роль в формировании современного индийского государства, демократии и гражданского общества. Неру был премьер-министром в 1947–1964 гг., и ни один индийский

¹³ Непереводимая игра слов. Букв.: «В Индии вы не голосуете, а избираете свою касту» (англ.). «To cast a vote» – голосовать, отдавать голос; «caste» – каста. – Прим. ред.

лидер не может похвастаться сопоставимым политическим долголетием, не считая его собственной дочери Индиры Ганди, возглавлявшей правительство четырнадцать лет.

К Неру восходит ряд наиболее очевидных и поразительных противоречий современной Индии. Будучи искренним приверженцем того, что принято называть «современностью» или «модерном» [modernity], Неру стал основателем династии Неру – Ганди¹⁴, ставшей в Индии чем-то вроде королевской семьи. Джавахарлала можно считать вторым представителем династии, потому что его отец Мотилал Неру являлся председателем партии Индийский национальный конгресс и одним из первых членов этой организации, созданной в 1885 г.

После убийства Ганди Неру стал ярким националистом. При этом он говорил о себе как о «последнем английском правителе Индии», что было шуткой лишь отчасти. Учившийся в Харроу, одной из самых изысканных закрытых школ Британии, и в Кембриджском университете, а затем получивший право на адвокатуру в Лондоне, Неру, как и его отец, был типичным представителем англизированных юристов, задававших тон в Индийском национальном конгрессе, пока Ганди не передел партию в домотканый хлопок. Во время учебы в Кембридже Неру отправился на каникулы в Париж

¹⁴ Индира вышла замуж за Фероза Ганди, журналиста с севера Индии, который не имел никакого отношения к Махатме. Фероз, который умер молодым от сердечного приступа, принадлежал к общине персов-зороастрийцев.

и написал своему отцу о постановке шекспировской драмы на французском: «Похоже, актеры не знали точно, что играют – фарс или трагедию!»¹⁵ Хотя Неру принял логику Ганди, согласно которой нужно одеваться и вести себя так, как это принято в Индии, он тем не менее сохранил стиль и поведение джентльмена эдвардианской эпохи. Всякий раз, как британская полиция приходила к нему, чтобы арестовать и отправить в тюрьму, он, как правило, плотно завтракал – кукурузными хлопьями с молоком, яичницей с беконом и жареными помидорами. Ганди в подобной ситуации ограничивался глотком лаймового сока и кружкой козьего молока.

Но англофильство Неру отнюдь не ограничивалось личными привычками. Став в 1947 г. премьер-министром, он принял решение сохранить на службе высших чиновников имперской администрации, из которых индийцами были не более половины. В эпоху, когда в других получивших независимость колониях пособников колониальных властей уничтожали, отправляли в трудовые лагеря, отправляли в ссылку или в лучшем случае изгоняли со службы, Неру приглашал их на чай и читал их доклады. Он даже уговорил последнего вице-короля Индии лорда Маунтбаттена на год задержаться в стране в качестве первого главы государства¹⁶.

В Индии XXI в. наследие англофилии Неру (назовем это

¹⁵ См.: Akbar, Nehru, the Making of India, p. 71.

¹⁶ К такому решению Неру могло подвигнуть и то, что он был близким другом жены последнего вице-короля Эдвины Маунтбаттен.

так за отсутствием другого слова) заметно повсеместно в виде сохранившейся почти неизменной системе окружных коллекторов (collectors), по-прежнему соединяющих административную и судебную власть на уровне округов. Эта система – источник как силы, так и слабости. Силы, потому что Индийская административная служба (Indian Administrative Service – IAS) скрепляет единство немислимо разнородной и пестрой по составу страны. Слабости, потому что служба укомплектована несменяемой элитой, соперничающей с демократически избираемыми органами власти. В этой книге я периодически буду возвращаться к непростым, а порой и причудливым отношениям между Административной службой и избираемыми, но зачастую плохо образованными руководителями штатов.

Эдвардианство Неру сказывается и в сохраняющемся культе вездесущего государства, который он разделял со многими левыми джентльменами из высших классов той эпохи – особенно с фабианцами, считавшими, что под руководством «платоновских» технократов государство способно мирным путем привести общество к социализму. Индийцам еще повезло, что Неру попал под влияние фабианцев, а не русских большевиков. Но, несмотря на принятое в 1991 г. решение начать ликвидацию его печально знаменитой системы всеохватного государственного регулирования экономики, до сих пор видны следы экономической модели Неру, согласно которой государство должно обеспечить ускоренную

индустриализацию страны в ущерб потреблению (что казалось ему незначительной жертвой) и эффективной земельной реформе (которую он считал неосуществимой в условиях демократии).

В стране до сих пор звучит эхо неприязни Неру к частному бизнесу и к деньгам как цели жизни, хотя после 1991 г. произошли некоторые перемены. Неру был брамином и, несмотря на его искреннее отвращение к кастовой системе, его называли «пандитом Неру» (почтительное обозначение его кастовой принадлежности), а в предпочтениях многих современных индийцев из высшей касты до сих пор легко распознать следы его сложной личности. Неру пренебрежительно писал о «цивилизации банья» и говорил, что социализм покончит с «приобретательским обществом». Банья – каста мелких торговцев и ростовщиков, стоящая на кастовой лестнице значительно ниже браминов. Именно Неру современная Индия во многом обязана своим глубоко амбивалентным отношением к деньгам и бизнесу.

Но важнее всего в наследии Неру, которое остается по большей части неизученным, его секуляризм и презрение к религиозно-общинному коммунизму. Неру был откровенным атеистом, не скрывавшим антипатии к религиозности и ее ритуальным проявлениям. Склонность с подозрением относиться к духовному или религиозному энтузиазму, распространенная среди образованных англичан того времени, порой выливалась у него в раздражение на Ганди, у ног ко-

того он сидел и в прямом, и в переносном смысле.

«Религия, как ее практикуют в Индии, – писал Неру, – превратилась для нас в назойливую манию и не только искалечила нас, но и душит, и почти убивает все своеобразие мыслей и ума». В большинстве случаев Неру терпел Ганди, и даже восхищался им за его способность говорить на языке масс. Но когда Махатма начинал говорить о необходимости следовать Божьей воле, Неру порой взрывался: «Сильнее всего раздражают его [Ганди] частые упоминания о Боге – Бог заставил его сделать то и это, Бог даже указал время для этого поста»¹⁷.

Для всех индусов, и в том числе для Неру, произошедший в 1947 г. раздел страны и создание отдельного государства индийских мусульман стало болезненным ударом. Раздел спровоцировал беспорядки, в ходе которых погибло до 1 млн человек, и массовое переселение людей, сорвавшее с места около 12 млн. Требование Неру предоставить мусульманам равные права в новой независимой Индии навлекло на него стойкую ненависть правоверных индуистов. И все же, в отличие от Ганди, Неру мирно скончался в своей постели.

Однако с середины 1980-х годов атеистическое наследие Неру подвергается частым и порой успешным атакам правых сторонников возрождения индуизма. Показательно, что движение за возрождение индуизма, чья политическая партия

¹⁷ Ibid., p. 239.

Бхаратия Джаната (Индийская народная партия), возглавила коалиционное правительство в начале XXI в., украсила свои знамена именами и символами почти всех национальных героев, включая Ганди и Амбедкара. Но для правых индуистов Неру и через сорок с лишним лет после смерти остается объектом ненависти номер один. Ненависть была взаимной: «Говорят, – писал Неру, – что в Индии 52 лакха [5,2 млн] садху [бродячих аскетов] и попрошайек. Возможно, среди них есть честные люди. Но нет сомнений, что большинство из них – люди совершенно бесполезные, предпочитающие не работать, а дурачить людей и жить за их счет»¹⁸. Неизвестно, сколько бродячих аскетов в Индии сегодня, при том что население страны более чем утроилось с тех пор, как Неру сделал это замечание.

Название этой книги, «Без оглядки на богов: Загадочный подъем современной Индии», до известной степени навеяно убежденностью Неру в том, что главный источник силы Индии коренится не только в ее религиозных традициях и, возможно, даже не имеет к ним отношения. Индия сильна живой демократией, которая, вопреки всем ожиданиям, не только выжила, но и пустила глубокие корни в индийской культуре. Источник силы – это и традиции плюрализма, благодаря которым страна на протяжении сотен лет разрешала социальные конфликты, не прибегая автоматически к насилию. Правда, раздел страны между религиозными общинами

¹⁸ Ibid., p. 242.

и последующие события привели к массовому кровопролитию. Но в истории Индии не было ничего похожего на массовые убийства, которые пережила Европа. Индия сильна, наконец, своим интеллектуальным потенциалом и технической изобретательностью, которые сегодня помогают стране занять на мировой арене положение, соответствующее ее размерам и численности населения.

Но, как указывает подзаголовок, характер подъема Индии загадочен, т. е. необычен. По стандартам многих стран необычно то, что Индия превращается в значимую мировую экономическую и политическую силу, оставаясь при этом обществом глубоко религиозным, духовным и, в определенных отношениях, исполненным предрассудков. Равно уникален и тот факт, что Индия, единственная из крупных стран, сумела стать полностью демократичной, когда еще не сформировался влиятельный средний класс, а большинство избирателей были неграмотны.

Весьма странно также, что экономика Индии растет быстрыми темпами, хотя страна не прошла через этап массовой промышленной революции. Огромная часть рабочей силы остается в деревнях. Экономический рост Индии питают не заводы и не производство промышленной продукции, а конкурентоспособный сектор услуг. Со временем ситуация может выправиться. Но сегодня экономический вес сектора услуг делает Индию сопоставимой с такими развитыми зрелыми экономиками, как США и Великобритания.

Подъем Индии необычен и в силу чрезвычайно изменчивого, а порой и весьма конфликтного характера ее политической системы. Ни одной демократии не приходится действовать в условиях коалиции, состоящей из двадцати четырех партий. Похоже, что в обозримом будущем нормой для Индии будет глубоко фрагментированное, а зачастую и непоследовательное правительство. По логике ситуации, коррупция и управленческий цинизм должны замедлять развитие страны – и до известной степени так оно и есть. Но несмотря на то что в этом отношении страна напоминает Италию, где шутят, что «экономика растет по ночам, когда государство спит», в последние двадцать лет по темпам экономического роста Индия уступала только Китаю.

Наконец, подъем Индии необычен и тем, что его явно желают и ему до известной степени помогают другие страны и прежде всего, как будет показано ниже, США. Обоснованно или нет, многие страны мира опасаются укрепления и растущей военной мощи Китая в грядущие десятилетия, из чего заключают, что Индия – единственная большая страна, достаточно близкая по менталитету, чтобы уравновесить своего гигантского и быстро набирающего силы соседа по ту сторону Гималаев. Индию порой злят даже намеки на то, что она может играть эту роль. Но нравится ей это или нет – а то внимание, которым Индия окружена, воспринимается ею положительно, вопреки всем заявлениям об обратном, – как потенциальный противовес Китаю она является ключевым

элементом в расчетах тех, кто формирует внешнюю политику в странах Запада, да и в других тоже. Похоже, что главная индийская фигура на геополитической шахматной доске – ее растущий ядерный арсенал.

* * *

В Индии все важное происходит тогда, когда этого ждут меньше всего. И наоборот. Когда живешь в Индии, эта ее особенность является неизменным источником восторгов и огорчений. Я обратился в секретариат президента Индии А. П. Д. Абдула Калама с просьбой об интервью по поводу проекта строительства каналов между главными реками страны. Противники проекта, которые в 2006 г., когда писался этот текст, еще были в силе, прозвали его «фараоновой стройкой». Сторонники же заявляли, что он позволит избавить Индию от бесконечных засух и наводнений.

Президент, полномочия которого в созданной по британскому образцу парламентской системе строго ограничены, был сторонником проекта. «Интервью с президентом абсолютно невозможно – президенты Индии не дают интервью», – сообщил мне по телефону его секретарь. Я приуныл и собрался уже повесить трубку, но тут он продолжил: «Но президент будет рад пригласить вас на чашку чая, и вы сможете поговорить о том о сем».

Инженер и ученый, Абдул Калам известен как «отец ядер-

ной ракеты», потому что он много лет руководил программой создания ракетного оружия. Кроме того, он возглавлял оборонную проектную и исследовательскую организацию, когда Индия в мае 1998 г. впервые открыто¹⁹ провела испытания ядерных боеголовок. Некоторые – хотя и немногие – индийцы были встревожены тем, что Калам приветствовал успешные подземные испытания, проведенные в пустыне Раджастана в Западной Индии, следующими словами: «Я чувствовал, как под ногами содрогается земля, повергая всех присутствующих в ужас. Это было великолепное зрелище».

Три успешных испытания вся Индия приветствовала уличными празднествами и церемониальной раздачей сладостей, что вызвало большую тревогу в Вашингтоне и во всем мире. Несколько дней спустя Пакистан тоже провел испытания, отпраздновав их с еще большим размахом. После этого, несмотря на все попытки Индии и Пакистана «нормализовать» отношения и разрешить давний конфликт из-за гималайского штата Кашмир, Индийский субконтинент с легкой руки президента Клинтона часто называют «самым опасным ядерным погребом мира». Только при президенте Буше после 2001 г. США начали корректировать и в конце концов изменили свое отношение к ядерному статусу Индии.

Тому, кто живет в этом регионе, трудно – несмотря на

¹⁹ «Мирное испытание ядерного устройства» Индия провела еще в 1974 г.

опасность применения ядерного оружия по случайности или по недоразумению – поверить в реальность угрозы ядерной войны, и не из-за Пакистана, который обычно контролируется армией и рассматривает ядерный арсенал как настоящее оружие, которое может быть применено в войне, а из-за Индии, видящей в своих средствах ядерного сдерживания чисто гипотетический символ, который завоюет ей место в ряду великих держав.

«О нет, о ядерном оружии мы говорить не будем, – сказал невысокий и хрупкий семидесятилетний президент, с гордостью носящий свою знаменитую копну волос. – Хотите печенья?» Мне быстро наскучил разговор о реках, о которых президент не сказал решительно ничего нового, да и в любом случае разговор шел не под запись, поэтому что бы он ни сказал, пользы от этого было немного. Как репортер, я чувствовал, что было бы непростительно не направить разговор на ядерное оружие. Но все мои усилия оказались тщетными.

В следующий раз я увидел президента с довольно большого расстояния на ежегодном параде в честь Дня республики, который празднуется 26 января, в день, когда в 1930 г. Ганди, Неру и другие светочи Индийского национального конгресса впервые нагло британцам развернули индийский триколор. Через семьдесят пять лет после этого дня я смотрел на Абдула Калама, сидевшего в президентской ложе в окружении съехавшихся на парад иностранных гостей и прочих знаменитостей.

Грандиозная колонна танков, самолетов, артиллерии, ракет, способных нести ядерные боеголовки, катилась по широкому и длинному проспекту, связывающему президентский дворец с Воротами Индии. «А это, – объявил через громкоговорители слащавый голос, куда более подходящий для демонстрации мод, – ракета «Агни II», способная нести ядерные боеголовки, с радиусом действия до 1500 километров». Мне не было видно, каково выражение лица президента. Думаю, он был счастлив.

Индийский национализм сильно видоизменился со времен, когда Ганди сделал символом рождающейся нации ненасилие и отказ от сотрудничества с колониальными властями. И, безусловно, Ганди остался бы недоволен тем, что Индия создала ядерное оружие, да к тому же называет свои ракеты имена древних индуистских богов: ведь Агни – ведический бог огня. И все же многое в сегодняшней Индии было бы Ганди знакомо. Многое было бы знакомо и Неру, и Амбедкару.

Хотя эта книга не претендует на то, чтобы предсказывать будущее, кое о чем можно догадаться. Большинство индийцев и впредь будут гордиться ядерным статусом своей страны, потому что он доказывает, что они способны на технологические свершения без помощи извне. В отличие от Пакистана, который получил большую часть своих ядерных технологий непосредственно из Китая. Кроме того, ядерный статус дает Индии право чувствовать себя на равных с вели-

кими державами; это неуместное, по мнению некоторых индийцев и иностранных критиков, тщеславие не следует путать с агрессивностью. У Индии ни к кому нет претензий, и она не притязает на новые территории, чего нельзя сказать о многих соседствующих с нею странах. Как говорят дипломаты, «Индия – страна статус-кво».

Если попытаться заглянуть немного дальше, то можно сказать, что в следующем поколении Индия станет более сильной в военном и экономическом отношении, и это не ослабит, а, напротив, укрепит международную стабильность. Вынужден согласиться, что сказанное похоже на пророчество, а это ремесло я обычно оставляю Андре, Матери и им подобным. Но каковы бы ни были слабости и недостатки Индии (а в этой книге рассматривается целый ряд наиболее бросающихся в глаза), территориальная экспансия почти заведомо не входит в их число. Другое дело – экспансия духовная.

1. Глобальная и средневековая

Противоречивая экономика Индии

Ее громадное население состоит из сельскохозяйственных рабочих. Индия – одна безбрежная ферма: почти бесконечные поля, разделяемые глинобитными изгородями. Вдумайтесь в эти факты и сообразите, что за невероятный конгломерат нищеты предстает перед вами.

Марк Твен «По экватору» (1897)²⁰

На раскачку ушло много времени. Но в конце 1990-х годов Индия начала, наконец, строить дороги, по которым можно добраться из пункта А в пункт В быстрее, чем верхом. До этого важнейшей дорогой Индии был Великий Путь (Grand Trunk Road), пересекающий всю страну с севера на юг. Проложенная в позднее Средневековье династией Великих Моголов, достроенная и модернизированная британцами в XIX в., воспетая Редьярдом Киплингом в романе «Ким», эта дорога, как известно, познакомилась с асфальтом только после завоевания независимости. Но это однополосное шоссе, по которому редко удастся двигаться быстрее

²⁰ Pankaj Mishra, ed., *India in Mind*, p. 303.

30 миль в час. Поэтому относительная новизна индийских двухполосных скоростных автострад все еще вызывает изумление. К 2006 г. Индия завершила строительство трехтысячемильной скоростной магистрали «Золотой четырехугольник», связавшей между собой четыре главных города страны: Дели, Мумбаи (прежде известный как Бомбей), Ченнаи (бывший Мадрас) и Колкату (ранее Калькутта)²¹. Средняя скорость на лучших участках этой дороги достигает 60 миль в час.

Для некоторых скоростные дороги стали провозвестниками современной эпохи – скорость, пунктуальность и гигиеничные придорожные туалеты. Для других они представляют собой наглое вторжение в безжалостно рассекаемый ими сонный и бездеятельный мир. Для меня новые дороги открывают увлекательную возможность присмотреться к многоскоростной экономике Индии. Любознательность – а также инстинкт самосохранения – порой приводят меня на тихходную левую полосу. Один из лучших способов понаблюдать за стремительно развивающейся экономикой состоит в том, чтобы посчитать число марок обгоняющих справа автомобилей. Насчитав 30–40, начинаешь сбиваться со счета. Вначале 1990-х годов, когда Индия только начала смягчать ограничения на импорт и на инвестиции иностранных производителей, можно было насчитать не более шести-се-

²¹ Прежние названия этих трех городов ассоциировались с периодом британского владычества, но, несмотря на это, были изменены только в 1990-х годах.

ми марок автомобилей. Среди них более 90 % были автомобили «амбассадор», роскошные, но чудовищно неудобные машины колониального периода, на которых до сих пор передвигаются важные персоны, и тесные семейные автомобили «марутисдо» сих пор выпускаемые совместным предприятием компании *Suzuki* и индийского государства. А сегодня не успеваешь считать обгоняющие тебя «тойоты», «фиаты», «хонды», «форды», «фольксвагены» и «мерседесы», все с тонированными стеклами.

Но никогда не получается ехать с нужной скоростью. Постоянно обнаруживаешь, что прямо по твоей полосе навстречу прут облезлые мотороллеры, велосипеды и даже верблюды, запряженные в телегу, и все эти встречные водители и погонщики пребывают в блаженном безразличии к тому факту, что они нарушают все мыслимые правила дорожного движения и здравого смысла. На двухсотмильной скоростной трассе из Дели в Джайпур, город в соседнем штате Раджастан, мне пришлось дважды останавливаться и пропускать стадо коз. Но даже если забыть о местной фауне, отсутствие порядка на дорогах означает, что, сев за руль, нужно постоянно быть начеку.

Крайности экономики Индии во всей красе являют себя по сторонам скоростных дорог, окруженных сияющими щитами с рекламой мобильных телефонов, плееров *iPod* и загородных вилл и сверкающими бензоколонками с мини – супермаркетами и кондиционированным воздухом. За ни-

ми и вокруг них раскинулись бескрайние просторы деревенской Индии: запряженные волю пашут землю так же, как три тысячи лет назад, а на фоне бесконечного лоскутного пространства, составленного из полей, засеянных рисом, пшеницей, бобовыми и масличными культурами, чернеют примитивные печи для обжига кирпича. В сельской Индии понемногу крепнут и разрастаются островки механизации и зажиточности. Но это все еще лишь островки. Этот почти непрерывный контраст позволяет наблюдать одновременно две основные опоры экономики Индии начала XXI в.: современный и процветающий сектор услуг, окруженный морем безразличной сельской жизни. Когда вы весело катитесь по дороге, понимая, что у вас есть неплохие шансы вовремя поспеть куда вам нужно, заманчиво думать, что эти две опоры индийской экономики принадлежат разным мирам. Время от времени, кстати говоря, вдоль дороги возникают корпуса сборочных цехов, выпускающих какие-нибудь посудомоечные машины или автоприцепы. Но приметы развивающейся промышленности в Индии встречаются куда реже, чем в соседнем Китае.

* * *

К моменту обретения независимости Неру сумел заручиться общим согласием, что страна будет стремиться к экономической самодостаточности, а государство возьмет на се-

бя главную заботу о создании тяжелой промышленности с упором на металлургические заводы и электростанции. После 1991 г. стало модно относиться к Неру с пренебрежением, как к безнадежному идеалисту, который на сорок лет опутал страну цепями социалистического хозяйствования. В этой критике много справедливого²², потому что Индия так и не сумела добиться высоких темпов экономического роста, которые в тот же период демонстрировали Япония, Южная Корея, Тайвань, Таиланд и Малайзия. Но в конце 1940-х и в 1950-х годах избранная Неру экономическая стратегия идеально соответствовала царившей тогда в мире экономической моде. Эту стратегию благословили эксперты из Массачусетского технологического института, которые консультировали Дели при составлении первых пятилетних планов экономического развития. А еще Индия получала советы из Госплана, главного планового ведомства СССР.

Недовольство индийцев имперской экономической системой в сочетании с пандемией недоверия к принципу свободы торговли, последовавшей за бедствиями «голодных тридцатых» в Европе и в других регионах, вылилось в идею передать государству главную роль в достижении экономиче-

²² В 1950—1980-х годах средние темпы роста индийской экономики составляли 3,2 % в год, что было ненамного выше темпов прироста численности населения и поэтому почти не вело к росту уровня жизни. И все же это намного больше, чем 1 % экономического роста в первой половине XX в., когда в стране хозяйничали британцы.

ской самодостаточности, или *свадеши*²³, что в целом отвечало главному лозунгу индийского освободительного движения: *сварадж, или самоуправление. Роль образца и примера сыграл ряд таких крупных проектов, стимулировавших расширение экономической деятельности, как восторженно принятый в США проект Управления ресурсами бассейна Теннесси. Неру называл подобные проекты «бетонными замками».*

Планы Неру по созданию закрытой огосударственной экономики благословило и лейбористское правительство послевоенной Британии, которое согласилось предоставить Индии независимость, а во внутренней политике проводило национализацию экономики в куда более широких масштабах, чем Индия под руководством Неру. Многие из фабианских советников лейбористского правительства побывали с визитом в Дели, где они встречали неизменно теплый прием. Международные восторги индийской экономической моделью утихли только через пятнадцать-двадцать лет, когда возникла обеспокоенность ее низкой эффективностью. До этого она не вызывала ни сомнений, ни протестов.

Но задним числом при сопоставлении с достижениями других развивающихся экономик Азии, понятно, что экономическая политика Неру сослужила Индии плохую службу. В 1950 г. Южная Корея, которой еще только предстояло закончить войну с коммунистической Северной Кореей, име-

²³ Букв.: отечественный (санскр.). – Прим. ред.

ла такой же уровень жизни, что и Индия (примерно 50 долл. в год на душу населения в ценах 2005 г.). Через пятьдесят лет доход на душу населения в Южной Корее превышал 10 000 долл., что более чем в десять раз выше, чем в Индии. Сходные результаты получаются и при сопоставлении с другими странами Восточной и Юго-Восточной Азии.

Даже Китай, который в первые тридцать лет после революции целеустремленно занимался самоуничтожением, сегодня вдвое превосходит Индию по доходам на душу населения, хотя в период революции 1949 г. эти страны находились примерно на одном уровне.

Почему экономическая политика Неру провалилась? Ответ на этот вопрос поможет объяснить, почему сегодня экономика Индии развивается с таким странным перекосом. К моменту обретения независимости Индия была преимущественно деревенской, сельскохозяйственной и крайне бедной страной. Почти девять из десяти индийцев в то время жили в деревнях и зависели от скудных урожаев, едва достаточных для выживания. В 1951 г., когда Индия провела первую после обретения независимости перепись населения, уровень грамотности составлял всего 16 %, т. е. едва каждый седьмой из 320 млн жителей мог хотя бы написать свое имя. Средняя продолжительность жизни составляла всего 32 года, и эта поразительная, но заслуживающая доверия цифра позволяет составить представление об ужасающих условиях жизни большинства сельских жителей. Описания того вре-

мени в один голос рассказывают об истощенных – «кожа да кости» – крестьянах, согбенных под непосильным трудом, и о детях с раздутыми от нехватки белков животами.

Ко времени обретения независимости Индия отчаянно нуждалась в земельной реформе и мерах по повышению урожайности, чтобы накормить народ и создать стартовую площадку для будущего роста. Вместо этого она занялась строительством сталеплавильных заводов и печей для выплавки алюминия, которые не только работали большей частью в убыток, но еще и поглощали скудные валютные ресурсы страны. Индийский крестьянин нуждался в локальных ирригационных проектах, которые помогли бы ему защититься от наводнений в сезон дождей. А вместо этого Неру строил гигантские плотины, часть которых так и осталась недостроенной, а большая часть остальных в настоящее время разрушаются. Средний индиец нуждался в том, чтобы его научили читать и писать, обеспечили антибиотиками и лекарствами от малярии, без чего он был обречен на нищету. А вместо этого руководимое Неру правительство тратило средства на университеты для городского среднего класса и на новые государственные больницы в городах.

Задним числом очевидна безосновательность оптимистической веры Неру в то, что, направив скудные финансовые ресурсы страны на грандиозные проекты, можно за одно поколение провести ее индустриализацию. Но даже в то время раздавались скептические вопросы о том, следует ли стра-

не, 84 % населения которой неграмотно, тратить на высшее образование столько же средств, сколько на начальные школы²⁴. Немногочисленные критики интересовались, почему в принятом в 1952 г. первом пятилетнем плане Дели выделил сельскому хозяйству лишь треть бюджетных расходов, а во втором плане 1957 г. и того меньше – лишь пятую часть, и это при том что в сельском хозяйстве было занято более 80 % населения²⁵. Но эти голоса потонули в море утопических надежд. Мечты политической элиты Индии не имели почти никакого отношения к потребностям большинства индийцев.

Справедливости ради следует отметить, что Неру попытался провести земельную реформу и в борьбе с наследием феодализма даже достиг некоторых успехов. К концу 1950-х годов была практически ликвидирована печально известная система заминдари, введенная британцами в Северной Индии, при которой на крупных землевладельцев-заминдаров был возложен сбор налогов с крестьян. Но в большей части Индии земельные реформы Неру провалились из-за саботажа местного руководства партии Индийский национальный конгресс, в которой доминировали крупные землевладельцы и местная знать. Неру пытался организовать кооперативы для мелких фермеров, не имевших средств для покупки тех-

²⁴ Lloyd T. Rudolph and Susanne Hoeber Rudolph, *In Pursuit of Lakshmi, The Political Economy of the Indian State* (New Delhi: Orient Longman Limited, 1998), p. 297.

²⁵ Francine R. Frankel, *India's Political Economy, 1947–2004, The Gradual Revolution*, 2d ed. (New Delhi: Oxford University Press, 2005), p. 131.

ники и удобрений поодиночке, но и в этом потерпел неудачу. И в этом случае кооперативные инициативы Неру, который руководствовался китайскими образцами того времени, провалились из-за противодействия местных руководителей партии Индийский национальный конгресс. Безукоризненный демократ, Неру порой демонстрировал зависть к способности руководства Китая делать со страной все, что им вздумается, невзирая на мнение население. Но он не сделал ни одной уступки авторитаризму. «Можете не сомневаться, – заявил Неру в парламенте в 1959 г., – что я пойду от одного хозяйства к другому, от одного крестьянина к другому, чтобы уговорить их согласиться на это [кооперативы], сознавая при этом, что без их согласия я ничего не смогу сделать»²⁶.

Впрочем, даже если бы он добился успеха, это вряд ли что-нибудь изменило в стране, пронизанной кастовой системой. Провал избранной Неру модели стал очевиден в ходе кризисов 1967 и 1991 г. В 1967 г. под давлением со стороны США и Международного валютного фонда (МВФ) Индира Ганди, ставшая премьер-министром годом ранее, т. е. через два года после смерти отца, была вынуждена девальвировать индийскую рупию. Из-за пренебрежения правительства Индии сельским хозяйством и неудачи земельной реформы большая часть индийцев так и остались безземельными. В обмен на увеличение международной помощи на импорт

²⁶ Lok Sabha Debates, February 19, 1959, цит. по: Frankel, *India's Political Economy*.

продовольствия, который стал необходим из-за нескольких неурожайных лет подряд, Индиру Ганди вынудили прибегнуть к ряду малоприятных для нее экономических мер. Девальвация рупии была необходима, чтобы стимулировать экспорт, увеличить приток в страну иностранной валюты и, таким образом, предотвратить будущие проблемы с выплатой внешних долгов²⁷. Но она стала символом поражения курса свадеши, *политики самодостаточности, которая была центральным элементом избранного Неру плана преобразования Индии.*

Что еще хуже, за девальвацией рупии последовали несколько лет унижения, когда выживание голодающих индийцев зависело от своевременного прибытия сухогрузов из США, перебрасывавших через океан избытки зерна в форме продовольственной помощи. Но в отличие от своего отца Индира Ганди обладала диктаторскими замашками, которые и проявила в 1975 г., когда в ответ на усиление протестов против неспособности правительства решить проблему бедности (что было обещано на предыдущих выборах) ввела на девятнадцать месяцев чрезвычайное положение. При этом она сохраняла приверженность политике свадеши. В то же время она придерживалась менее утонченного варианта понимания социализма по сравнению со своим отцом. «Го-

²⁷ Одновременно с наращиванием импорта продовольствия Индия увеличивала расходы на импорт оборудования для своей тяжелой промышленности, хотя декларируемой целью этой политики было «импортозамещение».

сударственный сектор задуман как основа индийской промышленности, чтобы страна производила больше стали и больше машин, – заявила она через два года после девальвации рупии²⁸. – *Он же обеспечивает свободу Индии. Независимость Индии под угрозой в той степени, в которой она зависит от импорта*». Еще драматичнее был кризис 1991 г., когда в результате войны в Персидском заливе взлетели цены на нефть, из-за чего валютные резервы Индии сократились почти до нуля и страна оказалась на грани банкротства²⁹. Решение Ирака поджечь нефтяные промыслы Кувейта перед отступлением под натиском американцев оказалось для экономики Индии, которая и без того жила не по средствам, той соломинкой, которая переломила хребет верблюда. В отличие от 1967 г., когда жизнь десятков миллионов индийцев полностью зависела от иностранной продовольственной помощи, к 1991 г. Индия в результате «зеленой революции» 1970-1980-х годов почти удвоила объем сельскохозяйственного производства и в этом отношении стала совершенно независимой. Ученые вывели более урожайные сорта риса и пшеницы, составляющих основу рациона индийцев, что привело к значительному росту сельскохозяйственного произ-

²⁸ Congress Bulletin, April-May 1969, цит. по: F. Frankel, India's Political Economy.

²⁹ Валютные резервы Индии упали до 1 млрд долл., чего не хватало даже на оплату месячного объема импорта. Экономисты говорят, что финансовые резервы должны покрывать хотя бы шестимесячные потребности страны в импорте, а еще лучше – годовые.

водства. Но в 1991 г., когда рухнули последние надежды на успех политики свадеши, *не спасли и успехи «зеленой революции»*. В обмен на предоставление финансовой помощи со стороны МВФ Индия была вынуждена еще раз девальвировать свою валюту, а значительная часть ее золотого запаса отправилась в Лондон в качестве обеспечения займа. Социалистическая мечта Неру о создании экономики, защищенной от влияния бывших колониальных держав, окончилась банкротством, и при этом Лондон сыграл роль ростовщика-процентщика, спасшего Индию от краха, что было еще обиднее.

* * *

Как почти все люди его круга, Алок Кеджривал в 1980 – х годах ходил в англоязычную школу в Мумбаи. Неру сделал все, что мог, чтобы вывести Индию из сферы экономического влияния Британии (и фабианцы ему в этом помогали как могли). Но Неру до последнего дня жизни сохранял преданность английскому языку, который он однажды назвал «клеем, соединяющим Индию», сделав главным языком государственных учреждений и судов. Учась в 1980-х годах в школе, Алок мог прочесть книги Неру «Открытие Индии», «Автобиография» и «Взгляд на всемирную историю», которые тот написал на английском языке в годы, проведенные в британской в тюрьме. Его проза порой исключительно изысканна. Но великий государственный деятель был бы озадачен

тем, как живет Алок Кеджривал и десятки тысяч подобных ему, добившихся процветания в сегодняшней Индии. В свои тридцать шесть лет Алок – долларовый миллионер, причем разбогатеть он сумел главным образом благодаря тому, что индусы свободно владеют родным языком своих бывших колониальных властителей. Тот факт, что средние классы Индии свободно владеют английским, дал стране огромное конкурентное преимущество перед Китаем в развитии сектора услуг, где чрезвычайно важно владеть языком мирового бизнеса. Неру оставил своей стране еще кое-что, имеющее столь же непредвиденные последствия, как и его пристрастие к английскому языку: его правительство создало пять элитных технических университетов, индийские технологические институты, многие из выпускников которых играют ведущую роль в программистском бизнесе Кремниевой долины в Калифорнии. Эти институты готовят первоклассных инженеров, которые должны были бы обеспечить развитие тяжелой промышленности и привести Индию к экономической самодостаточности. Но история распорядилась иначе, и сегодня в Кремниевой долине работает несколько тысяч индийских миллионеров, многие из которых получили образование в этих технологических институтах.

Выходец из семьи, занимавшейся традиционным семейным бизнесом – производством носков (фирма называлась *Hindustan Hosieries Ltd.*), Алок не стал поступать в технологический институт. Но и перспектива заниматься носками

и иметь дело с состоящими в профсоюзе рабочими показала ему непривлекательной. И он, к ужасу отца, не скрывавшего свой скепсис, пошел своим путем. Окрашенные в основные цвета и увешанные постерами ранних голливудских фильмов, стены его офиса могут служить символом новой индийской экономики. Офис компании Алока расположен в центре Мумбаи. Этот район, где прежде преобладали текстильные фабрики, большинство которых обанкротилось в 1980-х годах, теперь напоминает лондонский район Клеркенуэлл или лосанджелесский Хейт-Эшбери. Внутреннее оформление некоторые назвали бы постмодернистским. Я провел немало времени в беседах с Алоком и некоторыми из шестидесяти служащих компании *C2W.com* – *contest-to-win.com* («борьба-за-победу. сот»), – которая занимается продвижением рыночных брендов через интернет, мобильные телефоны, интерактивные телевизионные шоу и прочие новые технологии.

Главные клиенты Алока – глобальные транснациональные компании, отчаянно борющиеся за новых клиентов из растущего класса индийских потребителей. Индийские потребители, говорит Алок, устали от грубой телевизионной рекламы и традиционных маркетинговых ухищрений. Они хотят, чтобы реклама была изобретательной и не прямолинейной. Его диагноз, который, должно быть, верен, потому что Алок очень богат, напомнил мне о неудачном возвращении корпорации *Coca-Cola* в Индию в начале 1990-х годов (из страны

ее выставили в 1970-х), начавшей рекламную кампанию лозунгом «Мы вернулись!» Индийцы пожали плечами и продолжили пить местный аналог колы «Thums Up», который так и остался напитком номер один.

Алок, получивший стартовый капитал от *Citibank* и принадлежащей Руперту Мэрдоку *News Corporation*, объяснил мне свой подход на конкретном примере. Компания *Garnier*, французский производитель шампуней, захотела приучить индийцев к использованию кондиционера для волос, которым привыкла пользоваться лишь узкая прослойка людей, часто бывающих за границей. Алок разработал компьютерную игру, ссылка на которую была выложена на индийском сайте компании *Garnier* и был объявлен приз – в случае победы игроки бесплатно получали годовой запас шампуня *L'Oreal*.

Участник этой игры должен вскарабкаться по длинным волосам сказочной принцессы Рапунцель, запертой в высокой башне. Если ее волосы оказываются слишком сухими или жирными, вы проигрываете.

А вот игра, придуманная для производителя нижнего белья *Jockey*, в которой нужно срывать трусики с моделей, одетых в фирменное белье. Добившийся успеха вознаграждается взрывом электронного хохота. В третьей игре, созданной для мотоциклов *Yamaha*, нужно подхватить свою подружку, для чего приходится круто маневрировать на узких дорогах. «Некоторые изгибы требуют внимания», гласит сло-

ган, появляющийся, когда вам удается подхватить свою электронную подружку. Все это немного рискованно в стране, где очень многие еще отдают дань ценностям Ганди. Но компания *C2W* добилась грандиозного коммерческого успеха и формирует сегодня новые горизонты рекламы на индийском рынке. Стэнфордский университет даже создал учебный кейс на основе разработанной *C2W* маркетинговой стратегии, основанной на использовании мобильных телефонов.

Я спросил Алока, сознательно ли он издевается над гандианскими ценностями старшего поколения. «Мне нет дела до Ганди – он ретроград, – заявил Алок за чашкой эспрессо в своем офисе. – Большинство тех, кто протестует против коротких юбок и западного влияния, просто ханжи. Половина из них отдает своих детей в англоязычные частные школы, а когда нужна хирургическая операция, они отправляются за границу. Они ретрограды». Алок говорит с такой напористостью, как будто я один из его потенциальных клиентов, и пересыпает свою речь выражениями, которые пришли из мира, состоящего из «экосистем», «последних миль», «долей внимания» и «оптимального пространства». А когда я спросил его, достаточно ли интересно в интеллектуальном плане то, чем он занимается, Алок ответил: «Ух! Потрясающий вопрос!» Но так и не ответил.

При этом мир, частью которого является Алок (безусловно, относительно привилегированной частью), – мир интернета, информационных технологий, сопровождения

программного обеспечения, центров обработки звонков, устройств обработки данных, исследовательских и проектных центров – во многих отношениях очень серьезен. Эхо успеха индийских IT-компаний в привлечении растущих потоков оффшорного бизнеса из США и Европы прозвучало далеко за пределами их кондиционированных офисов в Бангалоре, Хайдарабаде, Дели или Мумбаи. Этот успех убедил скептиков по всей Индии, привыкших с недоверием относиться к экспорту, – следствие установки Неру на свадеши, самодостаточность страны, – что индийские компании в состоянии конкурировать и получать прибыль на мировом рынке. Влияние этого наглядного примера все более заметно в индийском промышленном секторе и среди компаний, не имеющих отношения к информационным технологиям или индустрии услуг.

Мастерство индийских программистов помогло решить проблему с золотовалютными резервами, которая в 1991 г. едва не похоронила под собой экономику страны. Тогда объем золотовалютных резервов был меньше 1 млрд долл. К 2006 г. они выросли до 140 млрд долл., и это замечательный показатель уверенности Индии в себе. Знаковым для индийского сектора программного обеспечения стал 2003 год, в течение которого программисты заработали больше, чем страна потратила на импорт нефти, – этот непредсказуемый счет за энергию, который десятилетиями преследовал экономику страны. Ухудшение положения в Ираке в 2004–2005 гг., по-

следовавшее за вторжением американской армии, снова подтолкнуло цены на нефть вверх. Но на сей раз это практически не отразилось на состоянии платежного баланса Индии.

Сохранив хладнокровие в конце 1990-х годов и сумев извлечь прибыль из охватившей Запад паранойи по поводу «ошибки-2000», создавшей индийским софтверным компаниям условия для мощного рывка вперед, сектор информационных технологий (IT) начал зримо менять экономику городов. Занятость сотен тысяч молодых инженеров, ученых, экономистов и выпускников английских школ, заработок которых зачастую выше, чем у их родителей перед выходом на пенсию, породила новое поколение потребителей, у которых нет времени для традиционного индийского темпа жизни. А для освященных веками добродетелей своих родителей – будь вежлив с начальником, прокладывая путь наверх, не трать больше, чем заработал, и т. п. – они оказались слишком нетерпеливы.

Алок сказал, что его служащие, которые одеваются как их коллеги в Сан-Франциско, не говорят о деньгах как о наличных. Они измеряют свое жалованье в ЕМІ (Equal Monthly Installments) – в ежемесячных отчислениях в счет погашения кредитов. Эти длающиеся годами переводы с банковского счета позволяют служащему оплачивать автомобиль, мотоцикл, микроволновку, холодильник, кондиционер и квартиру, на которую он еще не заработал. Можно даже в отпуск съездить в долг. Большинство выбирают Таиланд и Мальди-

вы. «Отдыхай сейчас, заплатишь потом», – завлекает реклама. Алок, кроме того, наделяет своих служащих опционами на акции, чтобы удержать их в компании до тех пор, пока та не выйдет на фондовый рынок. Это естественно для мира, где люди постоянно меняют работу, но в новинку для Индии, где принято держаться всю жизнь за хорошее рабочее место. Сотрудники Алока воспринимают опционы как возможность увеличить свой ресурс ЕМІ, а не как стимул или будущее богатство. «О сбережениях они вообще не думают», – говорит Алок.

Служащие фирмы Алока и им подобные в крупных городах Индии быстро богатеют, и это объясняет, почему страна превратилась в желанную цель для западных и азиатских экспортеров, которые мгновенно забыли о прошлых бюрократических мытарствах при попытке прорваться на индийский рынок. Когда я только приехал в Индию, в газетах можно было встретить жалобы на ничтожный масштаб индийского рынка мобильных телефонов. В 2000 г. на всю страну было всего 3 миллиона пользователей мобильных телефонов, ровно столько, сколько продавалось за месяц в соседнем Китае. К концу 2005 г. в Индии было уже 100 млн пользователей мобильных телефонов, и их число ежемесячно увеличивалось на 2,5 млн. Такое лавинообразное расширение потребительского рынка встречается редко.

Но к разочарованию многих иностранных розничных компаний, таких как *Wal-Mart*, которая потратила годы в по-

пытках проникнуть на индийский рынок, Дели не допускает прямые иностранные инвестиции в индийский сектор розничной торговли. Имея более 15 млн розничных торговых точек – в сравнении с 900 000 в США³⁰

³⁰ Coming to Market," The Economist, April 15–21, 2006, p. 69.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.